

ВРАГИ И ДРУЗЬЯ ЧАПЛИНА

И. ГЕЕВСКИЙ

Кадр из фильма Чарли Чаплина «Мсье Верду». Верду в кругу своей семьи.

Четырнадцатая жертва мсье Верду. В роли Верду — Чарли Чаплин.

Когда несколько месяцев назад афиши объявили о выходе на экран нового фильма Чарли Чаплина «Мсье Верду», тысячи ньюйоркцев устремились к кинотеатру «Бродвей». Они увидели на экране не хорошо знакомого всем человека в котелке и с тросточкой, а элегантного господина с седеющими волосами. Только характерные, небольшие усики напомнили о прежнем чаплинском герое.

Новая картина была восторженно встречена зрителями. Чаплина осыпали поздравлениями.

«Мсье Верду» — первая картина Чаплина после «Великого диктатора», вышедшего на экраны в 1940 году. На подготовку съемки нового фильма ушло 7 лет. Чаплин, как обычно, выступает здесь универсалом — артистом, сценаристом, режиссером и композитором одновременно. Кроме самого Чаплина, исполняющего главную роль — мсье Верду, — в фильме участвует известная актриса Марта Рей.

Мелкий банковский служащий в течение свыше четверти века честно работал кассиром. Депрессия тридцатых годов — и Верду уволен. У него на руках больная жена и маленький сын. И никаких средств к существованию. Верду решает «заняться делами». Он вступает в фиктивные браки с богатыми пожилыми женщинами, затем убивает их, а деньги употребляет для биржевых спекуляций. Судьба обрушивается на Верду новые удары: умирают жена и ребенок — Верду остается один. На бирже резко падают акции — и Верду разорен. Он чувствует себя разбитым и опустошенным. Жизнь ему безразлична. Он отдает себя в руки полиции. Его судят и казнят.

Таков в двух словах сюжет фильма, как он рисуется по сообщениям зарубежной печати. Это не детектив, не история патологического убийцы, как может показаться на первый взгляд. Чаплин подчеркнуто расширяет рамки кинокартины. Вводя кадры из документальных фильмов: Гитлера и Муссолини, призывающих к войне, крупных финансистов и т. д.

Идейный смысл фильма особенно ярко проявляется в сценах суда. Верду просит присяжных заседателей разъяснить ему разницу между человеком, убившим несколько женщин ради того, чтобы прокормить больную жену и ребенка, и людьми, виновными в возникновении войн и гибели миллионов людей.

В своем «последнем слове» Верду говорит:

— Господин прокурор признал, что я обладаю умом. Спасибо. Тридцать лет мой ум служил честным целям. А потом он оказался ненужным. Мои преступления? Я только любитель! Другие убивают женщин и детей массами, используют науку.

Репортера, пришедшего к нему в камеру, Верду убеждает не судить по нему, что преступление нерентабельно. Ведь столько преступников нажили капиталы! О процветающем оружейном фабриканте Верду замечает: «Вот кем бы я должен стать».

В фильме есть и комические сцены. Но в целом зрители, пришедшие в «Бродвей», мало улыбались в тот вечер. Автор стремился к тому, чтобы зрители не бездумно смеялись

над пустяками, а серьезно задумались над серьезным. И не потому, что Чаплин разучился смеяться и смеяться других. Чаплин потому так серьезен в этом фильме, что в жизни остается все меньше места для смеха. Он отстаивает самое право простых людей на радость и счастье, против угрожающих им сил, стремящихся свергнуть мир в пучину бедствий и кровопролития.

Главное в фильме не в осуждении пути, по которому пошел Верду, а в осуждении условий, которые заставляют людей становиться на подобный путь.

Верду — нежный семьянин. У него доброе сердце и кроткая душа. Он честен и порядочен. Но его добродетельность, оказывается, никому не нужна. Верду вынужден лишать жизни других, чтобы сохранить жизнь дорогим для него людям — жене и ребенку. Человек человеку — волк. Таков звериный закон капиталистического общества.

«Мир — это джунгли», — говорит Верду, и Чаплин сажает на скамью подсудимых не только Верду, а прежде всего этот «мир джунглей» и его владык, обрекающих на смерть ради своих корыстных интересов миллионы людей. Он показывает виновников мировой войны — Гитлера и Муссолини. Но прошлое важно для Чаплина не само по себе: вчерашний день напоминает то, что происходит и сегодня. Фильм как бы призывает людей не дать новым претендентам на мировое господство развязать новую войну. «Мне кажется, — заявил Чаплин корреспондентам, — что фильм более или менее созвучен нашему времени, не знающему жалости».

Один критик считает фильм результатом одиночества Чаплина. Он даже пытался объяснить причины этого одиночества. «Для этого, — говорит он, — стоит развернуть любую американскую газету. Много лет уже Чаплин стал человеком, против которого ожесточены все ханжи, все тартюфы, все бездарности целой страны». Американские реакционеры действительно ненавидят Чаплина. Но критик не учел, что свора продажных журналистов и их хозяева — это еще не народ. Они могут травить человека, но не могут сделать его одиноким.

Чаплина обвиняют в том, что он, живя в Америке тридцать лет, «не стал американцем». Под этим, видимо, подразумевается, что Чаплин не продает за доллары свой талант и свою честь. Живя в «джунглях», он не стал «выть по-волчьи». Неподкупный характер, прогрессивные убеждения — вот что бесит в Чаплине американских реакционеров. Он один из тех американских кинодеятелей, которые не согласились поставить свой талант на службу Уолл-стриту.

Американские монополисты стремятся полностью подчинить кинопромышленность своим целям. «Цели Голливуда», — говорил в конце

прошлого года глава «Ассоциации кинематографии Америки» Эрик Джонстон, — сейчас уже не ограничиваются старанием дать зрителю возможность развлечься, — кино сейчас заняло место наряду с прессой и радио». Иными словами, Джонстон считает, что пресса и радио уже полностью поставлены на службу реакционным целям, и теперь очередь дошла и до кино, из которого надо вытравить всё прогрессивное. «Голливуд», — продолжал Джонстон, — заинтересован сейчас более в том, чтобы можно было... высказываться через посредство кинокартин, нежели в том, чтобы выгодно продавать фильмы». Пропагандистские задачи кино, таким образом, ставятся на первое место в сравнении с чисто коммерческими интересами.

В каком плане должно «высказываться» кино, можно судить по словам того же Джонстона, который сообщил недавно о подготовке ряда короткометражных кинокартин, восхваляющих «американскую демократию». В Голливуде начаты съемки фильма с выразительным названием, заимствованным из гребельсовского лексикона, — «Железные занавес». Фильм построен на грязных антисоветских измышлениях и проникнут лютой ненавистью к нашей стране. Одновременно в Америке ведется кампания против таких правдивых картин, как «Миссия в Россию» — по книге бывшего американского посла в СССР Дэвиса, «Гроздь гнева» — по одноименному роману Стейнбека.

В июне 1947 года член палаты представителей известный реакционер Джон Рэнкин выступил с требованием высылки из США Чарли Чаплина, который якобы ведет образ жизни, «вредный для существующего в Америке строя».

— Если мы вышлем его, — заявил Рэнкин, — он будет лишен американского покровительства, и его отвратительные кинокартины не будут больше показываться американской молодежи.

Отвечая на выступление Рэнкина, Чарли Чаплин заявил: «Это обычный фашистский прием, направленный к подавлению свободы слова и свободного выражения мыслей через кино».

Преследование Чаплина и других прогрессивных кинодеятелей вызвало возмущение демократической общественности Америки. В июне 1947 года в Нью-Йорке был созван митинг протеста, на котором присутствовало 3500 работников литературы и искусства. Видные американские писатели, драматурги, художники, режиссеры, сценаристы и артисты резко критиковали «Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности», стремящуюся подавить демократические тенденции в искусстве.

Известный негритянский певец Поль Робсон сказал:

— Реакция бросила нам перчатку,

но мы подняли ее и бросаем обратно в лицо реакции.

Эти слова были встречены бурной овацией всех присутствующих.

В дни, когда новый фильм вышел на экран, у Чаплина была пресс-конференция¹. Свора журналистов забросала его вопросами с явно провокационной целью:

— Почему вы не принимаете участия в политике Америки?

— Политика меня не интересует.

— Почему вы не стали американцем, прожив здесь тридцать лет? (Чаплин сохранил свое английское подданство.)

— Я не стал американцем, потому что я не националист. Я плачу мои налоги в Америке, хотя получаю 70 процентов моих доходов из-за границы. Я приглашенный, который платит за себя.

— Вы коммунист? Что вы думаете об СССР?

— Я полагаю, что во время войны СССР храбро сражался. Если вы считаете, что это доказывает, будто я коммунист, — ну, что ж!..

Присутствовавшие не ограничивались вопросами. Оскорбления, грубые выпады, придирки посыпались на Чаплина.

— Вы забрали наши деньги и не стали американцем!

— От имени католиков, бывших участников войны, я заявляю вам... и т. д. и т. д.

Под конец один честный критик с иронией в голосе спросил:

— Мистер Чаплин, а что вы думаете о стране, где во имя «свободы» от артиста требуют отчета о его убеждениях, о его частной жизни, о том, как он ведет свои личные дела, и где против него поднимают такую кампанию в печати, которая равносильна шантажу?

Спрашивающий не назвал страну, но всем было ясно, что речь шла об Америке.

Чаплин взглянул на него и через секунду ответил:

— Благодарю вас. Очень благодарю.

И снова оскорбления, провокации, грубости...

В это время в помещение вошел усталый и равнодушный почтальон, чтобы передать кому-то телеграмму. Посредине комнаты он увидел элегантного человека с седыми волосами. Когда он вышел за дверь, все услышали его голос, полный искреннего восторга:

— Так это же Чарли!

Для почтальона, как для многих других миллионов простых и честных людей Америки и всего мира, Чаплин был и остается «Чарли» — близким, любимым человеком, неподкупным художником, антифашистом, демократом и гуманистом.

¹ Описание пресс-конференции дается по сообщению ньюйоркского корреспондента французского журнала «Канар аншэнэ» от 23 апреля 1947 года.